

П. Вайль, А. Генис

Формула жука. Тургенев

«Отцы и дети» — едва ли не самая шумная и скандальная книга в русской литературе. Авдотья Панаева, очень не любившая Тургенева, писала:

«Я не запомню, чтобы какое-нибудь литературное произведение наделало столько шума и возбудило столько разговоров, как повесть Тургенева “Отцы и дети”. Можно положительно сказать, что “Отцы и дети” были прочитаны даже такими людьми, которые со школьной скамьи не брали книги в руки».

Именно то обстоятельство, что с этих пор книгу берут в руки как раз на школьной скамье, и лишь изредка после, лишило тургеневскую вещь романтического ореола громкой популярности. «Отцы и дети» воспринимаются как произведение социальное, служебное. И на самом деле таковым произведением роман и является. Просто следует, видимо, разделять то, что возникло благодаря замыслу автора, и что — вопреки, в силу самой природы искусства, которое отчаянно сопротивляется попыткам поставить его на службу чему бы то ни было.

Тургенев своей книгой вполне лапидарно описал новое явление. Явление определенное, конкретное, сегодняшнее. Такой настрой задан уже самым началом романа:

« — Что, Петр? не видать еще? — спрашивал 20 мая 1859 года, выходя без шапки на низкое крылечко...»

Для автора и для читателя было весьма существенно, что на дворе стоял именно такой год. Раньше Базаров не мог появиться. Достижения 40-х годов XIX века подготовили его приход. На общество произвели сильное впечатление естественнонаучные открытия: закон сохранения энергии, клеточное строение организмов. Выяснилось, что все явления жизни можно свести к простейшим химическим и физическим процессам, выразить доступной и удобной формулой. Книга Фохта, та самая, которую Аркадий Кирсанов дает прочесть своему отцу — «Сила и материя» — учила: мозг выделяет мысль, как печень — желчь. Таким образом, сама высшая деятельность человека — мышление — оборачивалась физиологическим механизмом, который можно проследить и описать. Тайн не оставалось.

Потому Базаров легко и просто трансформирует основное положение новой науки, приспособивая его для разных случаев жизни. «Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взяться, как ты говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизм, чепуха, гниль, художество», — говорит он Аркадию. И логично заканчивает: «Пойдем лучше посмотреть жука».

(Базаров совершенно справедливо противопоставляет два мировоззрения — научное и художественное. Только столкновение их закончится не так, как ему представляется неизбежным. Собственно, об этом книга Тургенева — точнее, в этом ее роль в истории русской литературы.)

В целом идеи Базарова и сводятся к тому, чтоб «смотреть жука» — вместо того, чтобы раздумывать над загадочными взглядами. Жук — ключ ко всем проблемам. В базаровском восприятии мира господствуют биологические категории. В такой системе мышления жук — попроще, человек — посложнее. Общество — тоже организм, только еще более развитый и сложный, чем личность.

Тургенев разглядел новое явление и испугался его. В этих невиданных людях ощущалась неведомая сила. Чтобы осознать ее, он и стал записывать:

«Я все эти лица рисовал, как бы я рисовал грибы, листья, деревья; намозолили мне глаза — я и принялся чертить».

Конечно, не следует вполне доверять авторскому кокетству. Но справедливо то, что Тургенев изо всех сил старался соблюдать объективность. И добился этого. Собственно говоря, как раз это и произвело такое сильное впечатление на тогдашнее общество: непонятно было — за кого Тургенев?

Сама повествовательная ткань предельно объективирована. Все время ощущается нехарактерный для русской словесности нулевой градус письма там, где речь идет о социальном явлении. Вообще от чтения «Отцов и детей» остается странное впечатление невыстроенности сюжета, рыхлости композиции. И это тоже результат установки на объективность: будто пишется не роман, а записные книжки, заметки на память.

Разумеется, не стоит переоценивать значение замысла в изящной словесности. Тургенев — художник, и это главное. Персонажи книги — живые. Язык — яркий. Как замечательно говорит Базаров об Одинцовой: «Богатое тело. Хоть сейчас в анатомический театр».

Но тем не менее схема проступает сквозь словесную ткань. Тургенев написал роман с тенденцией. Не в том дело, что автор открыто встает на чью-то сторону, а в том, что во главу угла поставлена социальная проблема. Это роман на тему. То есть, как сказали бы сейчас — ангажированное искусство.

Однако здесь и случается столкновение научного и художественного мировоззрений, и происходит то самое чудо, которое напрочь отрицал Базаров. Книга никак не исчерпывается схемой противостояния старого и нового в России конца 50-х годов XIX столетия. И не потому, что талант автора нарастил на умозрительный остов качественный художественный материал, имеющий самостоятельную ценность. Разгадка «Отцов и детей» лежит не над схемой, а под ней — в глубокой философской проблеме, выходящей за рамки и века, и страны.

Роман «Отцы и дети» — о столкновении цивилизаторского порыва с порядком культуры. О том, что мир, сведенный к формуле, превращается в хаос.

Цивилизация — вектор, культура — скаляр. Цивилизация складывается из идей и убеждений. Культура суммирует приемы и навыки. Изобретение смывного бачка — знак цивилизации. То, что в каждом доме есть смывной бачок — признак культуры.

Базаров — свободный и размашистый носитель идей. Эта его раскованность подана в романе Тургенева с насмешкой, но и с восхищением. Вот один из примечательных разговоров:

«— ...Однако мы довольно философствовали. “Природа навевает молчание сна”, сказал Пушкин.

— Никогда он ничего подобного не сказал, — промолвил Аркадий.

— Ну, не сказал, так мог и должен был сказать в качестве поэта. Кстати, он, должно быть, в военной службе служил.

— Пушкин никогда не был военным!

— Помилуй, у него на каждой странице: “На бой, на бой! за честь России!”»

Понятно, что Базаров несет чушь. Но при этом что-то очень точно угадывает в прочтении и массовом восприятии Пушкина русским обществом. Такая смелость — есть привилегия свободного ума. Мышление закрепощенное оперирует готовыми догмами. Мышление раскованное превращает гипотезу в гиперболу, гиперболу — в догмат. Это и есть самое привлекательное в Базарове. Но и самое пугающее — тоже.

Такого Базарова и сумел замечательно показать Тургенев. Его герой — не философ, не мыслитель. Когда он говорит пространно, это обычно выкладки из популярных научных трудов. Когда кратко — высказывается резко и иногда остроумно. Но дело не в самих идеях, которые Базаров излагает, а именно в способе мышления, в абсолютной свободе («Рафаэль гроша медного не стоит»).

А противостоит Базарову не его главный оппонент — Павел Петрович Кирсанов — а уклад, порядок, уважение к которому исповедует Кирсанов («Без принципов, принятых на веру, шагу ступить, дохнуть нельзя»).

Тургенев губит Базарова, сталкивая его с самой идеей уклада. Автор проводит своего героя по книге, последовательно устраивая ему экзамены во всех сферах жизни — дружбе, вражде, любви, семейных узах. И Базаров последовательно проваливается всюду. Череда этих экзаменов и составляет сюжет романа.

Несмотря на различия в обстоятельствах, Базаров терпит поражения по одной и той же причине: он вторгается в порядок, проносясь, как беззаконная комета, — и сгорает.

Крахом кончается его дружба с Аркадием, таким преданным и верным. Привязанность не выдерживает испытаний на прочность, которые проводятся столь варварскими способами, как поношение Пушкина и других авторитетов. Точно формулирует невеста Аркадия Катя: «Он хищный, а мы с вами ручные». Ручные — значит, живущие по правилам, соблюдающие порядок.

Уклад резко враждебен Базарову и в его любви к Одинцовой. В книге это настойчиво подчеркивается — даже простым повторением буквально одних и тех же слов.

«— На что вам латинские названия? — спросил Базаров.
— Во всем нужен порядок, — отвечала она».

И далее еще более внятно описывается «порядок, который она завела у себя в доме и в жизни. Она строго его придерживалась и заставляла других ему покоряться. Все в течение дня совершалось в известную пору... Базарову не нравилась эта размеренная несколько торжественная правильность ежедневной жизни; “как по рельсам катишься”, — уверял он».

Одинцову же пугает размах и неуправляемость Базарова, и худшим обвинением в ее устах звучат слова: «Я начинаю подозревать, что вы склонны к преувеличению». Гипербола — сильнейший и эффективнейший козырь базаровского мышления — рассматривается как нарушение нормы.

Столкновение хаоса с нормой исчерпывает очень важную в романе тему вражды. Павел Петрович Кирсанов — тоже, как и Базаров, не мыслитель. Он не в состоянии противопоставить базаровскому напору сколько-нибудь артикулированные идеи и аргументы. Но Кирсанов остро ощущает опасность самого факта существования Базарова, ориентируясь при этом не на мысли и даже не на слова: «Вы изволите находить смешными мои привычки, мой туалет, мою опрятность...» Кирсанов защищает эти, казалось бы, мелочи, потому что инстинктивно понимает, что сумма мелочей — и есть культура. Та самая культура, в которой закономерно распределены Пушкин, Рафаэль, чистые ногти и вечерняя прогулка. Всему этому Базаров несет угрозу.

Цивилизатор Базаров полагает, что где-то есть надежная формула благосостояния и счастья, которую надо только отыскать и предложить человечеству («Исправьте общество, и болезней не будет»). Ради отыскания этой формулы кое-какими несущественными мелочами можно и пожертвовать. А поскольку любой цивилизатор всегда имеет дело с уже сущим, сложившимся миропорядком, то идет методом от противного: не создавая что-то заново, а вначале разрушая уже имеющееся.

Кирсанов же убежден, что само благосостояние и счастье и заключаются в накоплении, суммировании и сохранении. Однозначности формулы противостоит многообразие системы. Новую жизнь нельзя начать с понедельника.

Пафос разрушения и переустройства настолько неприемлем для Тургенева, что он заставляет Базарова в конце концов вчистую проиграть Кирсанову.

Кульминационное событие — тонко написанная сцена поединка. Изображенная в целом как нелепость, дуэль, тем не менее — Кирсанову не внеположна. Она — часть его достояния, его мира, его культуры, правил и «принципов». Базаров же в поединке выглядит

жалко, потому что чужд самой системе, породившей такие явления, как дуэль. Он здесь вынужден сражаться на чужой территории. Тургенев даже подсказывает, что против Базарова — нечто куда более важное и сильное, чем Кирсанов с пистолетом: «Павел Петрович представлялся ему большим лесом, с которым он все же должен был драться». Иными словами, у барьера — сама природа, естество, миропорядок.

И окончательно Базаров добит, когда становится понятно, почему от него отеклась Одинцова: «Она заставила себя дойти до известной черты, заставила себя заглянуть за нее — и увидела за ней даже не бездну, а пустоту... или безобразия».

Это важное признание. Тургенев отказывает хаосу, который несет Базаров, даже в величии, оставляя лишь одно голое неустройство.

Потому и умирает Базаров униженно и жалко. Хотя и тут автор сохраняет полную объективность, показывая силу духа и мужество героя. Писарев даже считал, что своим поведением перед лицом смерти Базаров положил на весы ту последнюю гиричку, которая перетянула, в конечном счете, в его сторону.

Но куда более существенна причина смерти Базарова — царапина на пальце. Парадоксальность гибели молодого, цветущего, незаурядного человека от столь ничтожного повода создает масштаб, который заставляет задуматься. Убила Базарова не царапина, а сама природа. Он снова вторгся своим грубым ланцетом (на этот раз буквально) преобразователя в заведенный порядок жизни и смерти — и пал его жертвой. Малость причины здесь только подчеркивает неравенство сил. Это осознает и сам Базаров: «Да, поди попробуй отрицать смерть. Она тебя отрицает, и баста!»

Тургенев не потому убил Базарова, что не догадался, как приспособить в российском обществе это новое явление, а потому, что обнаружил тот единственный закон, который хотя бы теоретически не берется опровергать нигилист.

Роман «Отцы и дети» создавался в пылу полемики. Русская литература стремительно демократизировалась, поповские сыновья теснили покоящихся на «принсипах» дворян. Уверенно шли «литературные Робеспьеры», «кутейники-вандалы», стремящиеся «стереть с лица земли поэзию, изящные искусства, все эстетические наслаждения и водворить свои семинарские грубые принципы» (все — слова Тургенева).

Это, конечно, преувеличение, гипербола — то есть, инструмент, который, естественно, больше подходит разрушителю-цивилизатору, чем культурному консерватору, каким был Тургенев. Впрочем, он этим инструментом пользовался в частных беседах и переписке, а не в изящной словесности. Публицистический замысел романа «Отцы и дети» преобразовался в убедительный художественный текст. В нем звучит голос даже не автора, а самой культуры, которая отрицает в этике формулу, а для эстетики не находит материального эквивалента. Цивилизаторский напор разбивается об устои культурного порядка, и многообразие жизни не удается свести к жуку, на которого надо идти смотреть, чтобы понять мир.